

Реминисцентные фразеологические каламбуры.

«Воплощенной укоризною
Ты стоял перед отчизною,
Либерал-идеалист.

Но то лицо, о котором выразился народный поэт, может быть, и имело право всю жизнь позировать в этом смысле, если б того захотело, хотя это и скучно. Наш же Степан Трофимович, по правде, был только подражателем с подобного рода лицами, да и *стоять уставал* и частенько *полеживал* на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и в *лежащем положении*» [2. С. 13].

«Укоряет, зачем я ничего не пишу? Странная мысль!... Зачем я лежу? Вы, говорит, должны стоять “примером и укоризной” <...> что же и делать человеку, которому предназначено *стоять* “укоризной”, как не *лежать*, – знает ли она это?» [2. С. 62].

Повторяющийся реминисцентный фразеологический каламбур подтверждает мысль Д.С. Лихачева о своеобразии характеристик у Достоевского: «Характеристика незаметно переходит в повествование и из характеристики, даваемой автором, переходит в самохарактеристику» [1. С. 65]. В основе данного каламбура – реминисценция из поэмы Н.А. Некрасова «Медвежья охота»: «Ты стоял перед отчизною, / Честен мыслью, сердцем чист, / *Воплощенной укоризною*, / Либерал-идеалист!». Каламбур создается на основе фразеологического сочетания «стоять укоризной», имеющего значение «противостоять». Переносное значение глагола *стоять* заменяется буквальным значением «занимать вертикальное положение в пространстве» и заменяется антонимичным глаголом *полеживать*. Такая замена омонима антонимом обеспечивает комический эффект. Благодаря реминисцентному характеру каламбур в сознании читателя соотносится не только с образом Степана Трофимовича, но и с каждым из представителей галереи «лишних людей» – «либералов-идеалистов», воссозданных в поэме Н.А. Некрасова, послужившей источником для создания каламбура.

Душевное состояние Степана Трофимовича характеризуется с помощью каламбура: «В продолжение всей двадцатилетней дружбы с Варварой Петровной он раза по три и по четыре в год регулярно *впадал* в так называемую между нами “гражданскую скорбь”, то есть просто в хандру, но словечко это нравилось многоуважаемой Варваре Петровне. Впоследствии, кроме гражданской скорби, он стал *впадать* в шампанское» [2. С. 13]. В комментариях к полному собранию сочинений отмечено: «“Словечко” “гражданская скорбь” получило особое распространение в 1860-е годы. Так, Н.Ф. Щербина использовал его в “Эпитафии И.И. Панаеву” (1862) и позднее писал по этому поводу: «Болезнь, под названием “гражданская скорбь” была в это время в моде в Петербурге, так что даже смерть некоторых гимназистов и кадетов была